
Пока рыбак на ледяном мосту
Закидывает блёсны в пустоту,
Я в сотый раз у выхода с вещами —
Спешу туда, где жизнь напололам,
Где кафельщик с утра поёт: «Салам» —
И ласточек ничто не предвещает.
А ты, мой свет, пожалуйста, прости,
Что от зимы убитых не спасти,
Не защитить ни лавочки, ни скверы,
Не отодрать примёрзшую листву,
Ведь я сама не верю волшебству,
Закрытому от глаз огнём и серой.

Всех лучших книг, дружок, не перечтёшь.
Всю соль земли не выцедишь из раны.
И всех любимых, нет, не соберёшь
Зимой у оркестровой ямы
В саду цветов искусственных. Они
Не различают будущих и прошлых.
Стоят в снегу, как вечные огни.
Как телефонный справочник усопших.

Оторванная дверца без петель.
Бужу добро, не поминаю лихо.
Дай Бог дожить до станции апрель
И родине уткнуться в облепиху,
Где мелкий дождь — не пойман и не вор,
Где в поле спит машина грузовая.
И яблони молчат, как на подбор,
Мелодии моей не узнавая.

Я однажды себя продала за питьё и жильё.
За посылки в тюрьму и короткие провода к морю.
И теперь как понять: или любишь меня самоё,
Или рядом живёшь потому, что я дешёво стою?

Как теперь отличить одного от другого? Смотри:
Мы с тобой состоим из порезов, нарывов и трещин.
И у каждого Бах неизменно играет внутри.
А снаружи на майскую грязь облетают черешни.

Привет, любовь! Тесны твои врата,
Когда мигрень и в теле ломота.
Сруби меня, пока рука крепка,
Под корень языка.
Чтоб я не пела силлаботонически,
Что дома пёс и кашель аллергический,
Что сын online с утра до десяти
И не к кому уйти.

Всё холоднее утра-снегири.
Всё беспроглядней ночи-кюрасао.
И мёртвые приходят говорить
Пронзительными недоголосами.
Один похож на друга. Десять лет
Тому назад он выскочил за хлебом
И не вернулся. Незаметный след
От улицы Толстого и до неба
Впечатался в хрусталики мои.
И не забыть: очки, пальто из драпа,
Ботинки неначищенные и
Тяжёлый шарф...
Другой похож на папу.
Он умирал в палате № 7,
Играя в жизнь, всегда готовый к бою.
А врач его, молоденький совсем,
Писал рецепт на новый анаболик.
И всё плыло: стерильные бинты
И в старый город мокрая дорога...
У остальных размытые черты.
Я их не узнаю. И слава Богу.

О Господи, прими меня, прими
На поезде от Курска до Перми,
На облаке, летящем в Ленинград,
Над пропастью, где зреет виноград,
В кромешной димедрольной пустоте,
В черёмуховой летней простоте.
В моих костях не прах и не пыльца:
Я — мамин плач и копия отца,
Я девочка, бегущая домой
По минской освещённой мостовой.

Глотая тишину, как воздух, ртом,
Смотрело небо цвета горькой сливы,
Как ангелы ко мне входили в дом,
Где пахло одиночеством и пивом.

(В ночи дрожала острая стрела,
Пугая совершенством тонких линий.)
Они сметали крошки со стола
И до утра о чём-то говорили.

Я видела, как яблоневый сад,
Раскачивая кроны еле-еле,
Шумел о том, что не был виноват
Никто из нас с тобой на самом деле.

И было равносильно волшебству
Гулять вдвоём по гибнущему парку,
Смотреть, как дети падают в листву
И как собаки бегают за палкой.

Ночь коротка, и щурится рассвет.
И сны мои ползут по вертикали.
Но ангелов там не было и нет.
И яблоки в саду давно собрали.

Последний лист надеждами пришит,
Но здесь ветра целуют не по-братски.
Раскольников старушку сторожит.
Каренина от холода дрожит
На будущем вокзале Ленинградском.
А что же лист? Да так, обычный лист.
Он проживёт положенные сроки,
Не услышав, что пьяный гитарист
Всю ночь лабал мотивчик недалёкий
О жёлтых листьях. Дяденька в плаще
Наступит каблуком и юркнет в узкий
Промозглый двор. Он не поймёт вообще,
Чем осень завораживает русских:
Не потому, что лирики в нём нет
И чудеса свой ход остановили.
Он просто грек и видел, как рассвет
Торопится на запах бугенвиллий.

Нас больше нет. Но мы ещё живём.
Жуём глицин и гнёмся от заботы,
Пока зимы вторичное жильё
Собою заслоняет горизонты.
Пока чужие птицы бьются в сны
Нездешним опереньем. И неловок
Февральский снег,
А мы занесены
В кадастровые списки недомолвок
И недоимок. Что-нибудь соври
О нас двоих и солнце над Азовом.
Но холодно. Как холодно внутри!
Как будто я в пальто не по сезону.

Я выпью корвалола 30 грамм
поверх вина,
И мне приснятся, значит,
На Курском море тихая волна,
Кривой забор и проданная дача,
Подвязанные груши, перегной,
Соседский кот на выцветшем диване.
Я, Господи, чиста перед Тобой
В застиранном китайском сарафане.
Но разве знать и даче, и волне,
Ушедшей из-под зимнего конвоя,
Что эта боль, живущая во мне,
Похожа на похмелье родовое.
К кому бежать в распаханную синь
Чинить мои слетевшие настройки?
Очнёшься утром: некого спросить
Рецепт чернорябиновой настойки.

Позвонками земля дрожит.
Вечер дышит едва-едва.
Бродит осень, как Вечный Жид, —
Неприкаянная листва.

Недопитые водка, чай.
И пока часовые спят,
Мы окажемся невзначай
В глубине материнских плат:

В тихом омуте меньшинства,
Подставляя плечу — плечо,
Потерялись слова слова,
Не услышанные ещё.